

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С РУКОВОДИТЕЛЕМ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА И ПРОКУРОРОМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

L.I. Ignatieva

INVESTIGATOR'S INTERACTION WITH THE HEAD OF INVESTIGATIVE BODY AND PROSECUTOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Рассматривая вопросы толкования и применения действующего закона, автор данной статьи считает созданную систему правоотношений между прокуратурой и органами следствия неправильной и надеется, что она будет изменена, и чем скорее, тем лучше. В состязательном уголовном судопроизводстве «обвинительно-следственная власть» должна быть единой и нераздельной [3, с. 56]. Кто представляет в суде государство в качестве обвинителя, тому должно принадлежать право руководства деятельностью по подготовке обвинения. Прокурор должен возглавлять обвинительную власть, а следственные органы должны выступать его процессуальными агентами – органами досудебного уголовного преследования, которые помогают прокурору в достижении главной задачи – привлечении к уголовной ответственности лиц, действительно совершивших преступление. В противном случае, то есть при игнорировании роли прокурора, «независимый» орган расследования должен сам и поддерживать обвинение по тому делу, которое расследовал. К сожалению, сейчас единство стороны обвинения подорвано структурным и процессуальным обособлением следственной власти, которая свою работу по подготовке предмета и оснований уголовного иска проводит, а также может проводить независимо от прокурора – публичного уголовного истца. Сама постановка вопроса о взаимодействии следователя и прокурора, как якобы равноправных субъектов, а не о процессуальном руководстве прокурором предварительным следствием, обусловлена но-

выми реалиями, в которых следователь, руководитель следственного органа позиционируются в качестве некоей независимой, самостоятельной власти, и прокурор лишен полномочий непосредственно осуществлять досудебное уголовное преследование [2, с. 8].

В значительной мере система контроля за следствием строится на руководителе следственного органа, однако в конечном итоге вся многоступенчатая процедура, которая может включать в себя до трех инстанций реализации прокуратурой надзорных полномочий, предусмотренных п. 3 ст. 37 УПК РФ, в случае солидарного несогласия руководства следственных органов и следователя с требованиями прокурора об устранении нарушений законности или их возражений против его решения замыкается на генеральном прокуроре РФ: именно ему, а не судебной власти, принадлежит последнее слово в разрешении споров между прокуратурой и следственным органом по поводу имевших место нарушений федерального законодательства следователем (ч. 6 ст. 37, ч. 4 ст. 221 УПК РФ).

Законодатель, очевидно, считает, что ослабление прокурорской власти стало гарантией законности и защиты прав и свобод человека и гражданина. Спорность этого уже сполна подтверждена на практике. Даже адвокаты требуют возратить прокурорский надзор за следствием: «Мы считаем, что в ходе реформы исчезла одна из важнейших гарантий правосудия – эффективный надзор... Не спасает положения ни возможность обжалования действий и решений следователя в суд, ни право прокурора обратиться к руководителю следственного органа с требованием устранить нарушения закона, допущенные

¹ Магистрант АНО ВО «Российский новый университет».

© Игнатьева Л.И., 2016.

в ходе предварительного следствия. По новому закону, требования прокурора для начальника следственного органа не обязательны, а согласится ли он с прокурором, если следователь трудится под его непосредственным руководством, и каждый шаг следователя, как правило, согласован с начальником, – задача для первоклассника» [4, с. 2].

Одним из важнейших условий, с учетом которого должны строиться правоотношения между руководителем следственного органа и лицом, осуществляющим предварительное расследование, выступает обеспечение процессуальной самостоятельности следователя в принятии решений досудебного производства.

Как отмечает С.А. Табаков: «Теоретическая модель УПК РСФСР 1990 года, Концепция судебной реформы в РФ отрицали наличие каких-либо процессуальных полномочий у начальника следственного отдела. Несмотря на это, процессуальный статус должностного лица, осуществляющего контроль за деятельностью следователя, постоянно развивался, “впитывая” в себя новые полномочия, необходимые для обеспечения законности и обоснованности предварительного расследования. Сегодня мы столкнулись с ситуацией, при которой властно-распорядительный характер процессуальной деятельности руководителя следственного отдела усилился до такой степени, что, фактически используя свои правовые средства, рассматриваемое должностное лицо способно повлиять на любую правовую ситуацию, возникающую в ходе досудебного производства. Такое существенное увеличение процессуальных полномочий руководителя следственного органа таит в себе отрицательные моменты. Так, отсутствие у следователя возможности обжалования указаний прокурору, как это было до внесения изменений в современный УПК РФ, “замыкает” процессуальную деятельность по расследованию уголовного дела в рамках одного ведомства, а это может создавать опасность зарождения субъективизма, реализации ведомственных интересов» [5, с. 37].

Я согласна с данным утверждением, так как действительно, на мой взгляд, передача ранее принадлежащих прокурору полномочий руководителю следственного органа способствует явному преобладанию ведомственного процессуального контроля над прокурорским надзором. Так, одна ветвь контроля становится доминирующей по отношению к другим, что может в итоге привести к тому, что руководитель следственного органа может принимать решения, удовлетворяющие только его ведомственные ин-

тересы. Также с данным утверждением согласен профессор Джинджолия Р.С., который сделал соответствующую отметку в своей монографии [7, с. 154].

Правовое регулирование отношений, возникающих между начальником следственного отдела и следователем, имевшее место до настоящего времени, по мнению С.А. Табакова, не уделяло особого внимания ведомственному процессуальному контролю на стадии возбуждения уголовного дела [5, с. 42]. В частности, УПК РСФСР вообще не регулировал правоотношений, возникающих между начальником следственного отдела и следователем в рамках данного этапа досудебного производства.

Сейчас же мы наблюдаем совсем другую ситуацию. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, руководитель следственного органа «уполномочен проверять материалы проверки сообщения о преступлении или материалы уголовного дела, ...», а также, согласно ч. 3 ст. 39 УПК РФ, «указания руководителя следственного органа по уголовному делу даются в письменном виде и обязательны для исполнения следователем. Обжалование указаний не приостанавливает их исполнения...» [1, с. 12].

Наличие процессуального контроля, по мнению Л.И. Даньшиной, при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела следует признать объективным [6, с. 58]. Начальник следственного подразделения в силу его правового положения обязан, в случае необходимости, проверить каждое действие следователя на любом этапе досудебного производства и при наличии нарушений предпринять меры к их устранению. Однако отсутствие достаточных средств, закреплённых в УПК РФ, позволяющих ему это сделать на стадии возбуждения уголовного дела, вызывает опасения в совершении действий, выходящих за пределы закона. Вместе с тем, отношения, возникающие на стадии возбуждения уголовного дела, реализуются не иначе как в форме уголовно-процессуальных правоотношений. Данное обстоятельство свидетельствует о допустимости контроля в рамках этого этапа досудебного производства путём использования процессуальных средств, по мнению С.А. Табакова, с чем я также согласна [5, с. 51].

Считаю немаловажным сказать и об административном характере влияния на действия следователя со стороны руководителя следственного органа, осуществляемого на этапе рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях, которое оказывает негативное воздействие и на процессуальную самостоятельность лица,

производящего предварительное следствие. В силу служебной подчиненности следователь обязан беспрекословно выполнять все указания руководителя следственного органа. Вместе с тем, уже на стадии уголовного дела происходит оценка сведений, имеющих доказательственное значение для дальнейшего производства по делу. Такая оценка осуществляется с учетом внутреннего убеждения следователя и влечет за собой принятие окончательных решений.

Следует отметить, что доследственная деятельность в уголовном процессе включает в себя не только вынесение соответствующего постановления о принятии одного из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 145 УПК РФ. Она имеет продолжительный характер, состоящий из множества проверочных мероприятий, от полноты и своевременности которых во многом зависит как законность и обоснованность принятия окончательного решения в стадии возбуждения уголовного дела, так и предварительного расследования в целом. Значимость действий, совершаемых на стадии возбуждения уголовного дела, обусловлена тем, что на этом этапе досудебного производства получают сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу.

Как указывалось ранее, в процессе предварительной проверки сообщения о преступлении следователь получает сведения, которые оказывают влияние на формирование его внутреннего убеждения о необходимости принятия одного из окончательных решений. Чтобы прийти к определенному выводу, он сам должен проверить и оценить имеющиеся материалы. В связи с этим возникает вопрос о допустимости предоставления начальнику следственного подразделения права на дачу указаний о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела.

Наиболее конструктивное мнение высказывал И.М. Гуткин. Он считал, что нельзя требовать от следователя, чтобы тот механически выполнял указание начальника следственного отдела о возбуждении уголовного дела. Речь может идти только о праве предложить к рассмотрению вопрос о возбуждении уголовного дела.

Одним из положительных моментов в правовом регулировании рассматриваемых правоотношений выступает закрепление в ч. 3 ст. 39 УПК РФ возможности обжалования указаний руководителя следственного органа о прекращении уголовного дела и направлении его в суд, которая отсутствовала в прежней норме УПК РФ, касающейся правового статуса начальника следственного отдела [1, с. 12]. Указания о пре-

кращении уголовного дела и направлении его в суд влияют на внутреннее убеждение следователя, связанное с оценкой доказательств.

Таким образом, на сегодняшний день общая оценка законодательного регулирования правоотношений, вытекающих из ч. 3 ст. 38 УПК РФ, на первый взгляд, создает все необходимые условия обеспечения процессуальной самостоятельности следователя. Вместе с тем, анализ механизма такого обжалования показывает совсем другую картину.

Сегодня порядок обжалования указаний руководителя следственного органа, закрепленный в ч. 3 ст. 39 УПК РФ, не позволяет следователю обратиться к прокурору. Вопрос о законности и обоснованности решения руководителя следственного органа рассматривается только в рамках ведомства, то есть руководителем вышестоящего следственного органа. По данному вопросу в своем диссертационном исследовании высказался С.А. Табаков. Он отметил, что такая корпоративность в данных правоотношениях может негативно сказываться на объективности в оценке письменных указаний руководителя следственного органа и возражений следователя, то есть это, в свою очередь, создает предпосылки для проникновения в расследование субъективизма и ведомственной заинтересованности [5, с. 55].

Что же касается рассмотрения письменного указания начальника следственного подразделения и возражения следователя относительно указаний начальника следственного органа, то здесь можно наблюдать следующую ситуацию: если руководитель вышестоящего следственного органа поддержит позицию следователя, то последний вполне реализует свою процессуальную самостоятельность и независимость, а если же позиция следователя не будет поддержана, то, как таковой, самостоятельности у следователя как бы и нет. И в следующий раз, прежде чем обжаловать указания своего начальника, следователь не раз подумает, а стоит ли это вообще делать. В таком случае о процессуальной самостоятельности следователя и об объективном исследовании всех обстоятельств дела не может идти и речи.

На основании вышеизложенного я делаю вывод, соглашаясь также с С.А. Табаковым, что в правовом регулировании процессуального взаимодействия следователя и руководителя следственного органа в настоящее время утрачен механизм отстаивания следователем своего внутреннего убеждения, поскольку ч. 3 ст. 39 УПК РФ не определяет порядка действий следователя после отклонения руководителем вышестоя-

щего следственного органа его возражений на указания нижестоящего руководителя [8]. Такое положение – явное отступление от ранее достигнутого оптимального уровня обеспечения процессуальной самостоятельности и независимости следователя [5, с. 57].

Таким образом, можно говорить только о формальной самостоятельности следователя в процессе его взаимодействия с руководителем следственного органа. В советском уголовном процессе, по моему мнению, следователь был действительно самостоятельным и независимым, в отличие от его роли в современном уголовном процессе, где о реальной процессуальной независимости и самостоятельности следователя, на мой взгляд, не может быть и речи.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // СПС «КонсультантПлюс», 2016.
2. Александров А.С. Вопросы взаимодействия прокурора, руководителя следственного органа и следователя в ходе досудебного производства по уголовному делу // Вестник МВД. – 2009.
3. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. – М., 1889. – Т. 1; Стратегии уголовного судопроизводства // Сб. материалов научной конференции к 160-летней годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого. – М. : Российская академия правосудия, 2008.
4. Паничева А., Похмелкин А., Костанов Ю., Румянцев В., Решетилова И. Верните прокурора // Российская газета. – 2008. – № 106 (4663). – 20 мая.
5. Табаков С.А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2009.
6. Даньшина Л.И. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование в уголовном процессе России. – М., 2003.
7. Джинджолия Р.С. Оценочные понятия в составах преступлений против личности (человека) : монография. – М., 2012.
8. Тыртышный А.А. Компромиссное правосознание как средство снижения конфликтности в обществе // Вестник Российского нового университета. – 2011. – Выпуск 3. – С. 49–56.